Развитие образования коренных малочисленных народов Колымы в 1920–30 г.

Кривенко Ольга Александровна – преподаватель Магаданского Медицинского колледжа, член совета молодых ученых Магаданской области (Магадан, Россия); northmagadansevere491@yandex.ru

Аннотация. *В статье рассмотрены основные направления деятельности по просвещению коренных малочисленных народов крайнего Северо-Востока в период 1920–30х гг. Дается описание проблем просветительства, образования коренных малочисленных народов Колымы, описывается процесс формирования системы образования для коренных малочисленных этносов.*

Ключевые слова. *Крайний Северо-Восток, Колыма, просвещение коренных малочисленных народов, школы для коренных малочисленных народов, проблемы в процессе просвещения коренных народов, изучение родного и русского языков.*

До первой трети XX в. среди жителей побережья Охотского моря и верховьев реки Колымы один грамотный приходился более чем на 100 человек. В 1858 г. была закрыта школа в селении Тауйск на Охотском побережье. «Дети, обучавшиеся в домашнем заведении при Тауйской церкви прекратили учение за неимением пищи». В 1902 г. в Колымском округе обучалось «в 2-х церковно-приходских школах только 50 детей из числа зажиточного населения. Перед революцией на Колыме существовали 4 начальных школы с 5 учителями. Наряду с этим в крае было 4 кабака, 11 церквей, 32 часовни, 5 полицейских, 17 попов и 72 шамана» [1, оп. 1, д. 52, л.100].

В начале 1930-х годов, по указанию ЦК ВКП/б и Советского Правительства Крайний Северо-Восток постепенно начал включаться в общую жизнь страны. «По призыву Советской власти в этом крае тысячи новых жителей положили начало бурному хозяйственному и культурному развитию. За годы советской власти, в особенности за период деятельности Дальстроя при И.В.Сталине коренные малочисленные народности, населяющие Колыму, навсегда освободились от тягостей дореволюционной жизни. Под руководством партии и правительства советские люди подчинили себе суровую природу края и превратили его в богатейший горнопромышленный район, край благоустроенных рабочих поселков, совхозов, колхозов, рыбных промыслов, школ и других социально значимых учреждений» [1, оп. 1, д. 52, л.113].

В «Декларации прав народов России» от 2 ноября 1917 г. определялся принцип «свободного развития национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [2]. Внимание властей было направлено на содействие социальному и экономическому благополучию автохтонных этносов. Национальное единство, всесторонняя поддержка образования для коренных народов и изучение родного языка стали важными вопросами для правительства. Поддержкой коренных малочисленных народов занимались Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац), а также Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера). «Комитет Севера способствовал выполнению сложной задачи ликвидации неграмотности коренного населения, которая осложнялась

нехваткой квалифицированных кадров, слабой материальной базой, отсутствием пригодных помещений для школ, недостаточным вниманием общественных организаций к указанной проблеме» [3, с. 131].

После Октябрьской революции в СССР была сформирована широкая сеть культурно-просветительских организаций, в каждом отдаленном селении или деревне имелись избы– читальни и пункты ликвидации неграмотности. Одним из самых первых просветительских учреждений Колымского края стала Ольская туземная школа, основанная 1 января 1913 г., директором которой являлся И.А.Варрен. До 1928 г. в этой школе обучались дети местных оседлых жителей, но с 1928/29 учебного года в ней начали обучаться и дети приезжих русских рабочих и служащих. По состоянию на 1929 г. в Ольской школе обучалось всего 34 ученика, из них 21 мужского и 19 женского пола, из которых 12 мальчиков и 6 девочек была из семей местных сельских тунгусов[1]. Значительная часть обучающихся приходилась также на приезжих из числа русского населения – «7 мальчиков и 5 девочек, на кочующих тунгусов и корейцев приходилось по 2 человека соответственно». Большая часть учеников была из числа малоимущего населения, и могла пропускать занятия ввиду «отсутствия одежды, по болезни, естественным препятствиям». Занятия представляли собой чтение статей и стихов, разучивание стихов со слов учителя, составление коллективных рассказов на родном языке. знакомство с цифрами, сложение и вычитание, изготовление аппликаций, моделей, экскурсии с целью изучения природы и т.п. [5, оп. 1, д. 138, л. 8–10].

А.Л.Арефьев справедливо утверждает, что период с 1920 по 1930-е г. называется «периодом активной поддержки и развития языков народов Севера СССР» [6, с. 34]. В 1930-х гг. перед правительством встает вопрос создания системы образования, которая способствовала бы национальному единству и экономическому развитию с учетом потребностей и культурных особенностей коренных малочисленных народов. Обучение в школах сопровождалось идеологическим воспитанием, призванным помочь местным жителям принять идеи социализма.

Одним из немаловажных факторов поднятия общего культурного уровня туземного населения была языковая подготовка обучающихся. Некоторые из коренных этносов, населявших территорию Колымы в 1930-е гг., уже использовали русский язык в своей речи, однако по данным материалов о развитии хозяйства Ольско-Сеймчанского района за 1931–35 гг. «под названием “камчадалы” по Охотскому побережью группируются разные метисы, а иногда тунгусы, изменившиеся под влиянием оседлого образа жизни. Язык для всей группы – неправильный русский, хотя многие говорят по-тунгусски и якутски» [7, с. 259]. Исследователь М.Г.Левин также отмечал, что одни из представителей коренных малочисленных народов – коряки, «сохраняли в языке черты своего происхождения», т.е. использовали русский с употреблением лексики родного языка [8, с. 202]. По мнению И.С.Вдовина, «в этнически смешанных охотских поселках население довольно скоро забывало «местные языки» и переходило на русский» [9, с. 256]. Еще до Октябрьской революции носителями родного языка осед-

[1] «Этноним «тунгус», не встречаясь в виде самоназвания ни у одного из тунгусо-маньчжурских народов, к настоящему времени широко распространен в исторических документах, научной литературе, а также обиходном использовании. В среде многих групп эвенков этноним «тунгус» используется наряду с самоназванием «эвенки», при этом все эвенки осознают, что «тунгус» самоназванием не является. Этот этноним вошел в научную классификацию, закрепившуюся в языкознании и этнографии как «тунгусо-маньчжурская» группа» [4, с. 71].

лого коренного населения «стал русский язык с его северным или сибирским диалектом, включающим лексику языков соседних коренных народов» [10, с. 6].

Таким образом, русский язык сыграл важную роль в процессе формирования особого лингвистического пространства на крайнем Северо-Востоке страны, способствовал сохранению культурного многообразия и языковой самобытности коренного населения.

Однако, несмотря на существующие возможности и перспективы обучения коренного населения, образовательный процесс осложнялся некоторыми факторами. Так, например, в 1930 г. в Гадлинской школе с 14 учащимися, была плохая посещаемость из-за «дальности расстояния школы от жилья» [5, оп. 1, д. 138, л. 246]. Основным препятствием в просветительской работе был перевод коренного населения на оседлую жизнь с 1932 г., к которому районные исполкомы приступили поразному. Вследствие того, что выбор центров для оседания проводился без учета мнения жителей, население поселков Маякан, Хурчан, Меринга, Кунтук, Эсчан в период с 1932 по 1939 г. забросило все возведенные для них постройки и снова начало кочевой образ жизни. Объем жилищного строительства был крайне незначителен за период с 1932 по 1939 гг. было построено только 105 колхозных двухкомнатных домов. Судя по архивным документам, основную причину неудач в этом деле власти видели в том, она не была поставлена в центре внимания партийных и административно-хозяйственных организаций Колымы. Только в 1940 г. Главное и Политическое Управления Дальстроя стали более серьезно заниматься вопросами, связанными с переводом кочевого населения на оседлость [3, оп. 1, д. 52, л. 115–116] .

Чтобы понять проблемы, связанные с построением системы образования для малочисленных этносов на территории Колымы, необходимо рассмотреть определенные решения, инициированные правительственными учреждениями и оказывающие влияние на процесс просвещения коренных жителей.

Для просвещения населения в 1920-х гг. открывались пункты ликвидации неграмотности (ликбезы), заведование которыми возлагалось на учителей школ. В работе этих учреждений принимали участие также и представители грамотного населения, а ответственными за саму кампанию по ликвидации неграмотности являлись областные и губернские исполнительные комитеты [5, оп. 1, д. 104, л. 58–60].

В 1922 г. власть на Северо-Востоке принял на себя Камчатский губревком, в структуре которого были лица, ответственные за развитие органов народного образования [11, с. 35].

В 1923 г. в камчатской губернии начали проводить в жизнь Декрет Совета Народных Комиссаров об отделении церкви от государства и школы от церкви [11, с. 37].

Во второй половине 1920-х г. языковая обособленность стала значительным тормозом на пути социальных преобразований. Направляемые в эти годы на Север учителя, культросветработники и медики говорили преимущественно на русском языке, понятном далеко не всем коренным жителям [11 12, с. 54–63]. Единственной возможностью для скорейшего массового распространения грамотности, повсеместного введения начального школьного образования, приобщения самих народностей Севера к сознательному строительству новой жизни было широкое использование родных языков. Для этого необходимо было создать на них письменность, подготовить буквари, учебники, наладить их издание. В 1924 г. выделяется финансирование на издательство букварей и книг для чтения на языках малочисленных этносов [5, оп. 1, д. 104, л. 61].

В рамках программы «коренизации» национальным республикам было предоставлено право использовать свои языки

в административных процедурах, в образовательных учреждениях и в сфере культуры. Однако пользоваться литературой коренные жители не могли ввиду особого уклада кочевой жизни, а также из-за отсутствия обученного педагогического состава, нехватки книг и учебников на родном языке. Вследствие этого Охотский кездный ревком выдвинул инициативу предложить тунгусам, «в совершенстве владеющим родным языком и русским языком в Ольской волости, принять участие в составлении словарей на русско-тунгусском языке». В дальнейшем планировалась работа по составлению остальных учебников, переводу Советских законоположений и другой учебной литературы. Более того, в последующем предполагалось издание литературы на каждом отдельном наречии для каждого района [12 13, оп. 1, д. 38, л. 136].

Основным недостатком в работе изб–читален являлось недостаточное количество учебников: «В школах число учебников редко достигает двух десятков букварей и задачников, а остальные учебники или совершенно отсутствуют или имеются в единичных экземплярах». Эффективно организовывать обучение не позволяло плачевное материально-техническое состояние ликбез-пунктов, не хватало работников, которые ввиду их малочисленности, привлекались к одновременной работе в различных организациях.

В 1926 г. (несмотря на наличие сети изб–читален) просветительская работа осложнялась ввиду отсутствия достаточной материально-технической базы. Так, например, в Ольском районе избы– читальни находились при школах в населенных пунктах Ола, Гадля, Тауйск и Ямск. «Ликбезпункты» также функционировали при школах, но посещаемость последних была крайне незначительна – максимум до 10 человек в одном селении, преимущественно в возрасте от 18 лет и младше, что объяснялось инертностью самого населения, которое общественно-политическими и культурно-просветительскими вопросами практически не интересовалось. Избы–читальни функционировали в зимний период, т.к. весной, летом и осенью население было занято на промысловых работах. Помимо этого, в них не хватало литературы, которая не обновлялась с 1924 г. При школах имелись небольшие библиотеки в ведении учителей, где также ощущался недостаток новых поступлений. «Средств на политпросветработу ни профсоюзных, ни сельских общественных не имелось за малочисленностью населения» [13, оп. 1, д. 50, л. 24].

С 1925/26 учебного года Наркомпрос РСФСР начал оказывать финансовую поддержку новой системе школ-интернатов в районах Крайнего Севера. Из государственного бюджета для этой цели было выделено 138 000 рублей [14, с. 67]. Для области это стало большим подспорьем, поскольку традиционная школа не подходила для кочевых северян и дисперсно расселенной их оседлой части. Нужно было создавать другой тип школ, такими стали школы-интернаты, где дети имели возможность не только учиться, но и жить, осваивать новые навыки, при этом вещи первой необходимости и питание предоставлялись государством бесплатно в течение всего учебного года. Деятельность таких школ также планировалась в соответствии с местными условиями и с учетом сезонных работ.

Агитация за учебу туземного населения, согласно архивным данным, началась только с ноября 1929 г., когда было объявлено об открытии школы–интерната в с. Ола. В связи с эпидемией кори было очень трудно собрать детей на учебу в интернат. В итоге набралось только 9 человек, двое из которых могли «немного писать и читать, но объясняться совершенно не могли» [5, оп. 1, д. 108, л. 90]. В целом, ученики были заинтересованы в изучении русского языка, что сказалось

положительно в развитии общей мотивации к обучению.

Для проведения дальнейшей просветительской работы среди коренного населения на заседании президиума Ольского туземного райисполкома 12 июня 1929 г. было принято решено заранее начинать набор детей для учебы в интернате, начав агитацию через сельские советы, районные исполнительные комитеты. Также было решено дооборудовать здание интерната до 30 коек. Также было поручено заранее подобрать воспитательный персонал, «желательно знающий латинский и тунгусский языки» [5, оп. 1, д. 108, л. 91]. На очередном заседании президиума Ольского туземного районного исполнительного комитета от 8 июня 1939 г. было рекомендовано построить учебную программу для коренных народов с учетом их потребностей, а также направить усилия на экономическую независимость коренных народов путем развития их прикладных знаний, умений и навыков через обучение дисциплинам производственного характера применительно к быту кочевников. Также поднимался вопрос о необходимости преподавания в интернате тунгусского языка. Однако «обучение каждого ученика в интернате обходилось до 800 руб.», что было существенной суммой, выделяемой правительством на нужды просвещения [5, оп. 1, д. 108, л. 129].

Следует также отметить работу культбаз, созданных государством с целью обучения и социальной адаптации коренных малочисленных народов. Так, например Восточно-Эвенская Культбаза Комитета Севера была создана для содействия культурно-хозяйственному развитию туземного населения, а также углубленного краеведческого изучения района. 13 июля 1929 г. на заседании президиума Ольского туземного районного исполнительного комитета отметили «своевременность и целесообразность организации культурной базы в Ольском туземном районе как опорного пункта для поднятия культурного и экономического уровня туземного населения». Культбаза имела в своем составе школу с интернатом на 20 человек и учебно-показательную мастерскую, больницу на 10 коек, ветеринарную часть и опорный оленеводческий пункт. Восточно-Эвенская Культбаза начала строиться в 1929 г., когда прибыли заведующий, а также рабочие и строительные материалы. Кроме него в штате были заведующий школой, преподаватель (он же зав. интернатом) и инструктор учебно-показательной мастерской. Для обслуживания просветительских учреждений Культбазы этого было недостаточно. Не хватало и помещений для занятий. По одной комнате было занято под мастерскую и библиотеку, под непосредственно школьную работу «оставалась одна комната и рекреационный зал, в котором одновременно была и столовая для детей» [5, оп. 1, д. 137, л.235].

Для набора учеников были организованы выезды школьных и других работников базы, которые, несмотря на трудные условия смогли набрать 14 детей–туземцев. Одной из главных причин, которая стала помехой для успешной просветительской кампании, «являлась агитация оседлых/береговых жителей–“камчадал”, действовавших через богатых оленеводов–кулаков, от которых остальная масса кочевников находилась в экономической зависимости» [5, оп. 1, д. 137, л. 236].

Воспитательная работа в школе в значительной мере осложнялась отсутствием методических материалов по работе среди местного туземного населения. Разновозрастной состав вынуждал разделять учеников на две группы, к которым дополнительно прибавлялась группа русских учеников – детей сотрудников базы. Среди учеников были 8 тунгусов, 5 детей из смешанных семей, 1 якут и 3 русских.

В результате проводимой в течение неполного учебного года просветительской

работы большинство обучающихся научились читать и писать и все овладели русской разговорной речью. В школе занимались физкультурой, играми, разучиванием туземных игр и рисованием, прививали санитарно-гигиенические навыки. Большое внимание уделялось обучению ручному труду приезжавших на базу взрослых и учеников. В учебно-показательной мастерской при школе дети обучались слесарному делу – учились делать ножи, элементарные инструменты, жестяные банки, паять. Такой подход к развитию навыков, необходимых для существования в сложных условиях Севера, позволил выпускникам стать «живыми агитаторами о работе базы» [5, оп. 1, д. 137, л. 236].

Для выполнения просветительской функции сотрудниками базы был предпринят ряд выездов в населенные пункты от Тауйска до Гаданжи. Помимо специальных заданий, им давалось поручение собрать «хотя бы весьма краткий экономический и этнографический материал, а также широко информировать о целях и задачах Культбазы» [5, оп. 1, д. 138, л. 233]. В течение зимы базу посетило значительное количество как туземного, так и русского населения. В регистрационной книге, начатой с 15 января 1930 г., зарегистрировано 731 посещение представителей русского, якутского, камчадальского населения. Также были случаи приезда тунгусов из отдаленных районов – Сеймчана, Таскана. Кроме того, были проведены выезды на туземные ярмарки в с.с. Ола, Анмандахан, Тауйск, где проводилась соответствующая работа с коренным населением [5, оп. 1, д. 138, л. 234–235].

Однако работа Культбазы сдерживалась из-за недостаточного ее финансирования: не было утвержденной сметы, что существенно затрудняло работу по отдельным статьям бюджета, а имевшаяся на базе ориентировочная смета не была должным образом продумана и не отражала особенностей работы в северных условиях. Все расходы по базе составляли всего 149 тыс. рублей, а задержки в финансировании и уменьшение сметы усложняли ее целевую просветительскую задачу [5, оп. 1, д. 138, л. 12]. Набор обучающихся в школу при Культбазе на 1931 год был признан неудовлетворительным ввиду недобора учеников, во многом обусловленного слабой просветительской работой. Вместе с тем, из положительных моментов в работе базы отмечалось усвоение русского языка, приобретение культурно-гигиенических навыков, прохождение намеченной учебной программы. Разновозрастные группы учеников – от 8 до 18 лет, уровень их общего умственного развития заставляли учителей делить небольшое число обучающихся на группы, что создавало трудности в работе двух имеющихся школьных работников и их перегрузке. Кроме того, нехватка учебников, плохое материально-техническое оснащение, недостаточность провизии, также затрудняли создание необходимой учебной дисциплины [5, оп. 1, д. 192, л. 11].

В 1930-е гг. работники образовательных и культурных учреждений Колымы успешно следовали идеологическим установкам партии большевиков и решали конкретные задачи, стоящие перед окружным отделом образования и административно-гражданским отделом государственного треста «Дальстрой», охватывающего три национальных района: Ольский, Среднеканский, Северо-Эвенский. Формально эти районы входили в состав Хабаровского края и Колымский окружной отдел народного образования подчинялся крайОНО, но фактически из-за отдаленности и особой роли Дальстроя в структуре НКВД СССР деятельность образовательных и культурно-просветительских учреждений Колымы контролировалась АГО Дальстроя. Ведущая роль в руководстве процессом образования и воспитания принадлежала Политуправлению Дальстроя и райкомам

ВКП(б) и ВЛКСМ в населенных пунктах Ола, Сеймчан, Наяхан [15, с. 199].

Правительство стремилось установить в образовательной политике «единство в разнообразии». Школа ликбеза виделась власти школой прежде всего политической, которая должна была обучать не только простейшим навыкам чтения, письма и счета, но и должна была помочь неграмотным трудящимся стать активными участниками социалистического строительства, включиться в борьбу за коллективизацию сельского хозяйства и укрепление обороноспособности страны. «Общественно-политическая работа должна была ставиться не как школьное упражнение в общественных навыках, а как выполнение определенного задания правления колхоза, сельского совета и т.д.» [5, оп. 1, д. 263, л. 38]. Культармейцам необходимо было организовывать свои занятия таким образом, чтобы слушатели школы ликбеза активно вовлекались в общественную жизнь предприятий, колхоза, секций советов, редакций стенгазет изб–читален и т.д. Первую встречу с неграмотными посвящали беседе о значении грамотности для трудящихся СССР, строящих социализм в обстановке ожесточенной классовой борьбы.

В 1931 г. в соответствии с директивами правительства о проведении всеобуча и развитии школьного строительства, в том числе в национальных районах, реализовывался план, предполагавший «создание новых школ для интернатов народностей Севера в количестве 17 зданий на 880 учащихся стоимостью 504.500 рублей. Финансирование этого строительства предполагалось за счет средств местного бюджета, ассигнований из резервного фонда СНК РСФСР, остатков неиспользованных кредитов и прочих источников» [5, оп. 1, д. 138, л. 2].

Особое внимание уделялось вопросу повышения квалификации и подготовке учителей. Из-за недостаточности сметных ассигнований по краевому местному бюджету на подготовку новых кадров учителей на заседании коллегии ДалькрайОНО было вынесено постановление в дополнение отпущенным по смете средствам выделить из централизованного фонда всеобуча на подготовку учителей 40 тыс. рублей. Также было рекомендовано РайОНО и педагогическим техникумам при комплектовании курсов по подготовке учителей обеспечить привлечение сил городского населения, отвечающих общим требованиям курсов, без предоставления стипендии, питания, общежития, а также «вовлечение на курсы кандидатов колхозов и проф. органов, с закреплением за ними стипендий за счет командирующих организаций» [5, оп. 1, д. 138, л. 1–13].

Согласно статистическим сведениям по народному просвещению на Колыме, количество педагогов в школах Колымы в 1932/33 г. составляло 44 человека, в 1933/34 г. – 67, в 1934/35 г. – 88, в 1935/36 г. – 121. Большинство из них было со средним педагогическим образованием в 1932/33 г. – 10 человек, в 1934/35 г. – 43, в 1935/36 г. – 57 человек. С высшим образованием в 1932/33 г. работало 3, в 1934/35 г. – 9, в 1935/36 г. – 28 [3, оп. 1, д. 24, л. 10].

В учителе видели «нового застрельщика начинаний соцстроительства», принимающего активное участие в работе общественных и советских организаций. Важной считалась работа по организации пионеротрядов при селе с большим охватом детей, особое внимание уделялось интернациональному воспитанию, организации участия пионеротрядов в учебно-воспитательной и общественно-полезной работе. Считалось необходимым каждому педагогу изучать тунгусский язык, учителям туземных школ предлагалось заняться подбором материала для подготовки и издания букваря и учебников по тунгусскому языку. Особенно остро ставился вопрос о подготовке кадров из местного актива, при-

влечении к руководству детплощадками учителей местных школ и врачебный персонал. Незнание тунгусского языка препятствовало просветительской деятельности, поэтому к работе дошкольных площадок необходимым виделось привлечение женщин – камчадалок и тунгусок, которые могли бы также осуществлять функции переводчиков [5, оп. 1, д. 138, л. 18–29].

В рассматриваемый нами период в истории образования коренных малочисленных народов Колымы политическая стратегия определялась идеями «сделать СССР неприступной крепостью социализма, ударной бригадой мирового пролетариата», что подразумевало наличие грамотного, сознательного населения, вкладывающего все ресурсы в построение новой советской действительности [5, оп. 1, д. 263, л. 38].

С нарушения старого порядка и внедрения в туземное общество социалистических отношений начался процесс аккультурации, который характеризовался изменением базовых ценностей. Основой межэтнической интеграции становится идейно-политическая общность, на которой выстраиваются социально-экономические отношения и общесоветская культура [16, с. 236].

Подытоживая сказанное, отметим, что ключ к успехам в сфере просвещения коренных народов, в значительной степени лежит в способности властей обеспечить эффективное долгосрочное управление сложной системой образования. Элементы надлежащего управления включают четкое стратегическое планирование, эффективное распределение ресурсов, контроль качества реализации, строгий мониторинг и последовательное выполнение поставленных задач в течение длительного периода времени. Анализ предпринятых контролирующими органами решений свидетельствует о наличии нереализованных возможностей в повышении эффективности новой образовательной стратегии.

В ходе анализа было установлено, что основными факторами, сдерживавшими развитие просветительской работы, были:

- сложные демографические и материально-технические условия, сложные финансовые и стратегические отношения с крайним Северо-Востоком страны ввиду его отдаленности;
- слабое стратегическое планирование и сложные логистические связи между центральным регионами СССР и крайним Северо-Востоком страны;
- слабая практика внедрения новых образовательных стратегий в отношении коренных малочисленных народов;
- недостаточное обеспечение педагогическими кадрами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 52, Оп. 1, Д. 24.

2. Декларация прав народов России от 2 ноября 1917 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1917. № 2. Ст. 18.

3. *Ахметова А.В.* Развитие коренных малочисленных народов Дальнего Востока: исторический опыт национальной политики СССР (1924–1985 гг.): Дис. …д. ист. н. Хабаровск, 2022. 460 с.

4. *Варламов А.Н.* К вопросу о происхождении этнонима «тунгус» // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 1 (30). [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-proishozhdenii-etnonima-tungus (дата обращения: 02.05.2024).

5. Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-17. Оп. 1. Д. 138, Оп. 1, Д. 104, Оп. 1, Д. 108, Оп. 1, Д. 137, Оп. 1, Д. 192, Оп. 1, Д. 263.

6. *Арефьев А.Л.* Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.

7. *Гурвич И.С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 275 с.

8. *Левин М.Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 358 с.

9. *Вдовин И.С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 303 с.

10. *Звягина А.И.* В блокнот политинформатору: Краткие сведения о Магаданской области. Магадан, 1969. 112 с.

11. *Райзман Д.И.* Хроника важнейших событий истории народного образования в Магаданской области (факты, события, люди). Магадан: Охотник, 2013. 154 с.

12. *Гурвич И.С., Таксами Ч.М.* Социальные функции языков народностей Севера и Дальнего Востока СССР в советский период // Советская этнография. 1985. № 2. С. 54–63.

13. Государственный архив Магаданской области. Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 38, Оп. 1, Д. 50.

14. *Базанов А.Г., Казанский Н.Г.* Школа на Крайнем Севере. Л.: Учпедгиз, 1939. 205 с.

15. *Райзман Д.И.* Ликвидация безграмотности в национальных районах Колымы (30-40-е гг. XX в.) // III Дидковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию Магаданской области. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004. 451 с.

16. *Бацаев И.Д.* Процесс аккультурации коренных народов Северо-Востока России в XX в. // III Диковские чтения: Материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию Магаданской области. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2004.

Submitted – 11.02.2024

Educational development for indigenous peoples in Kolyma in the 1920s-1930s.

Olga A. Krivenko – member of the Council of Young Scientists of the Magadan Region (Magadan, Russia); northmagadansevere491@yandex.ru

Abstract. *The article examines main attempts to educate indigenous peoples of the Far Northeast in 1920–1930s. The article also describes the problems in education of the indigenous peoples of Kolyma, and describes the initial process of establishing an education system for the indigenous ethnic groups.*

Key words. *Far Northeast, Kolyma, education of indigenous peoples, schools for indigenous peoples, problems in the process of education of indigenous peoples, study of native and Russian languages.*

REFERENCES

1. Gosudarstvennyi arkhiv Magadanskoi oblasti [The State Archive of the Magadan Region]. F. R-38. Op. 1. D. 52, Op. 1, D. 24.

2. Deklaratsiia prav narodov Rossii ot 2 noiabria 1917 g. [Declaration of the rights of the peoples of Russia, November 2, 1917]. Sobranie uzakonenii RSFSR [Collection of laws of the RSFSR]. 1917. No. 2. St. 18.

3. *Akhmetova A.V.* Razvitie korennykh malochislennykh narodov Dal'nego Vostoka: istoricheskii opyt natsional'noi politiki SSSR (1924–1985 gg.) [Development of indigenous peoples of the Far East: historical experience of the national policy of the USSR (1924–1985)]: Dis. …doktora istoricheskikh nauk [Diss. D. Sci (History)]. Khabarovsk, 2022. 460 p.

4. *Varlamov A.N.* K voprosu o proiskhozhdenii etnonima "tungus" [On the question of the origin of the ethnonym "Tungus"]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* [North-Eastern Humanitarian Bulletin]. 2020. No. 1 (30). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-proishozhdenii-etnonima-tungus (accessed: 02.05.2024).

5. Gosudarstvennyi arkhiv Magadanskoi oblasti [The State Archive of the Magadan Region]. F. R-17. Op. 1. D. 138, Op. 1, D. 104, Op. 1, D. 108, Op. 1, D. 137, Op. 1, D. 192, Op. 1, D. 263.

6. *Aref'ev A.L.* Iazyki korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v sisteme obrazovaniia: istoriia i sovremennost' [Languages of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East in the educational system: history and modern time]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniia i marketinga [Center for Social Forecasting and Marketing], 2014. 488 p.

7. *Gurvich I.S.* Etnicheskaia istoriia Severo-Vostoka Sibiri [Ethnic history of North-East Siberia]. Moscow: Nauka, 1966. 275 p.

8. *Levin M.G.* Etnicheskaia antropologiia i problemy etnogeneza narodov Dal'nego Vostoka [Ethnic anthropology and problems of ethnogenesis of the peoples in the Far East]. Moscow, 1958. 358 p.

9. *Vdovin I.S.* Ocherki etnicheskoi istorii koriakov [Essays on the ethnic history of the Koryaks]. Leningrad: Nauka, 1973. 303 p.

10. *Zviagina A.I.* V bloknot politinformatoru: Kratkie svedeniia o Magadanskoi oblasti [To the notebook of a political informant: Brief information about the Magadan region]. Magadan, 1969. 112 p.

11. *Raizman D.I.* Khronika vazhneishikh sobytii istorii narodnogo obrazovaniia v Magadanskoi oblasti (fakty, sobytiia, liudi) [Chronicle of the most important events in the history of public education in the Magadan region (facts, events, people). Magadan: Okhotnik, 2013. 154 p.

12. *Gurvich I.S., Taksami Ch.M.* Sotsial'nye funktsii iazykov narodnostei Severa i Dal'nego Vostoka SSSR v sovetskii period [Social functions of the languages of the nationalities of the North and Far East of the USSR during the Soviet times]. *Sovetskaia etnografiia* [Soviet ethnography]. 1985. No. 2. P. 54–63.

13. Gosudarstvennyi arkhiv Magadanskoi oblasti [The State Archive of the Magadan Region]. F. R-39. Op. 1. D. 38, Op. 1, D. 50.

14. *Bazanov A.G., Kazanskii N.G.* Shkola na Krainem Severe [School in the Far North]. Leningrad: Uchpedgiz, 1939. 205 p.

15. *Raizman D.I.* Likvidatsiia bezgramotnosti v natsional'nykh raionakh Kolymy (30-40-e gg. XX v.) [Elimination of illiteracy in the national regions of Kolyma (30-40s of the XX century)]. *III Didkovskie chteniia: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Magadanskoi oblasti* [III Didkovsky readings: Materials of the scientific-practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Magadan region]. Magadan, 2004. 451 p.

16. *Batsaev I.D.* Protsess akkul'turatsii korennykh narodov Severo-Vostoka Rossii v XX v. [The process of acculturation of indigenous peoples of the North-East of Russia in the 20th century. *III Dikovskie chteniia: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 50-letiiu Magadanskoi oblasti* [III Dikovsky readings: Materials of a scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Magadan region]. Magadan, 2004. P. 236.

Submitted – 11.02.2024